

М. В. Ляпон
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyapon@list.ru

ДИАПАЗОНЫ ОБРАЗНЫХ АНАЛОГИЙ **(В. НАБОКОВ: САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ; ПОИСКИ ИДИОНОРМЫ)**

Наблюдаемое в современной стилистике разнообразие теорий при истолковании одних и тех же фактов – естественная тенденция, которую следует оценивать не как слабость, а как методологическое достоинство. Единообразие ослабляет критическую силу науки: для объективного познания необходим **плюрализм интерпретаций**. Стратегия Набокова, направленная на поиск доминирующих признаков собственной стилистики, сопоставима с ключевыми принципами американских ученых Генри Меррея и Гордона Олпорта. Применительно к собственным и чужим попыткам понять во всей глубине и сложности каждый индивидуальный случай Г. Меррей использует термин **персонология**. Прошлая жизнь человека для Г. Меррея важна так же, как настоящее индивида и его окружение. «Самой яркой отличительной чертой его теории является высоко дифференцированное и скрупулезное описание мотиваций» [Теории личности 1997: 192]; при этом информативную значимость для него имеют «свободные» вербальные отчеты субъекта, в том числе продукты воображения. Мемуарная проза Набокова – апологета свободы творческой воли художника – представляет собой информативный аналог «свободных отчетов», которые имеет в виду Г. Меррей. Для Г. Олпорта личность (как объект персонологии) – загадка, которую нужно разгадывать, используя инструменты, эффективные на современном уровне знаний о человеке.

Заслуживает внимания тезис Г. Олпорта о том, что организм человека оснащен **гомеостатическим** механизмом, который обеспечивает человеку фундаментальное равновесие. В своем определении взаимозависимости «кардинальных диспозиций» личности Олпорт использует сравнение с гобеленом: они (эти взаимозависимости) «сотканы как гобелен» [Теории личности 1997: 421]. Представление Набокова о феномене «стиль» также сопоставимо с определением стиля, сформулированным в 1753 г. Ж. Л. Л. Бюффеном (французским естествоиспытателем, энциклопедистом): «Знания, факты и открытия легко отчуждаются и преобразовываются <...> Эти вещи – вне человека. Стиль – это сам человек. Стиль не может ни отчуждаться, ни преобразовываться, ни передаваться» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 495]. «Стиль – это не инструмент, и не метод, и не выбор слов. <...> Он является, – читаем у Набокова, – неотъемлемым свойством личности автора». В определении **идиостиля** Набоков подчеркивает неотчуждаемость феномена **стиль** от феномена **личность**, его наследственную заданность (причастность к **генетическому досье личности**).

Продуктивность персонологического принципа Набоков демонстрирует в своих лекциях по русской литературе. В цитируемых ниже фрагментах из этих лекций мы опознаем одновременно и Набокова – читателя Чехова, и Набокова – аналитика, воссоздающего концептуально целостный образ русского интеллигента. «Его [Чехова] спокойный и тонкий юмор пронизывает серость созданных им жизней. Для русской философской или общественно настроенной критики он стал неповторимым выразителем неповторимого русского типа. <...> Он тесно связан с психологической и общественной историей России 19 в. Сказать, что Чехов занят милыми и беспомощными людьми, было бы не совсем точно <...> Но по-настоящему привлекало русского читателя то, что в чеховских героях он узнавал тип русского интеллигента, причудливое и трогательное существо, малоизвестное за границей и неспособное существовать в Советской России. Чеховский интеллигент был человеком, сочетавшим глубочайшую порядочность с почти смехотворным неумением осуществить свои идеалы и принципы, человеком, преданным нравственной красоте, благу всего человечества, но в частной жизни неспособным ни на что дельное, погрузившим свою захолустную жизнь в туман утопических грез <...>. Таков человек, проходящий в облики врача, студента, сельского учителя и людей других профессий через все рассказы Чехова» [Набоков 1996: 326–327]. «Аналитик постоянно опирается на свою интерпретацию наблюдений как бы изнутри исследуемого социума. Он стремится не остраниться, а наоборот, полностью эмпатизировать наблюдаемым собеседникам. Аналитик рассматривает себя как действенного компетентного члена того же общества» [Демьянков 1995: 297].

Оценивая свою стилистическую идионорму, Набоков прибегает к аналогии с составлением шахматных задач-головоломок. «Характерно, что шахматные игроки – равно простые любители и гроссмейстеры – мало интересуются этими изящными и причудливыми головоломками, хотя чувствуют прелесть хитрой задачи, совершенно неспособны задачу сочинить <...> Меня лично пленяли в задачах миражи и обманы, доведенные до дьявольской тонкости <...> Дело в том, что соревнование в шахматных задачах происходит не между белыми и черными, а между составителем и воображаемым разгадчиком (подобно тому, как в произведениях писательского искусства настоящая борьба ведется не между героями романа, а между романистом и читателем) <...>. В этом творчестве есть точки соприкосновения с сочинительством и в особенности с писанием тех невероятно сложных по замыслу рассказов, где автор в состоянии ясного ледяного безумия ставит себе единственные в своем роде правила и преграды, преодоление которых и дает чудотворный толчок к оживлению всего создания» [Набоков IV 1990: 290].

Наследие Набокова обогащает **таксономию собственно психологических параметров индивида**. Вместе с тем экспериментальная метафорика, используемая автором в окказиональных аналогиях, заслуживает внимания как

уникальный объект лексикографической интерпретации. Этот аспект проблемы в докладе будет проиллюстрирован специально.

ЛИТЕРАТУРА

- Демьянков В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // *Язык и наука XX века.* М., 1995.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
- Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М., 1996.
- Набоков В.В.* Собрание сочинений в четырех томах. М., 1990.
- Теории личности.* М., 1997.